С. И. Ласточкина

УДК 91(03)

Кафедра геодезии и космоаэрокартографии, факультет географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ФОРМЫ СЛАВЯНСКИХ ФАМИЛИЙ, ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КОРНИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

В статье рассмотрена основная задача антропотопонимики как географо-историко-лингвистической науки, повлиявшей на развитие топонимов, образованных от имен, составляющих особую группу топонимов – патронимические топонимы (антропотопонимы) и образованных от них географических названий. Выявлены различные точки зрения на предмет антропотопонимики как науки о происхождении, географических корнях и распространении фамилий, в частности славянских.

Ключевые слова: география; топонимика; топонимы; лингвистика; антропотопонимика; географические названия.

Образец цитирования: Ласточкина, С. И. Формы славянских фамилий, их географические корни и распространение / С. И. Ласточкина // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 1. – С. 32–39.

S. Lastochkina

Department of Geodesy and Space Aeromapping, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

FORMS OF SLAVIC SURNAMES, THEIR GEOGRAPHICAL ROOTS AND DISTRIBUTION

The article considers the main task of anthropotoponymy as a geographical-historical-linguistic science, which influenced the development of toponyms formed from names, which constitute a special group of toponyms – patronymic toponyms (anthropotoponyms) and geographical names formed from them. Different points of view on the subject of anthropotoponymy as a science of origin, geographical roots and distribution of surnames, in particular Slavic surnames, are revealed Translated with DeepL.com (free version).

Keywords: geography; toponymy; toponyms; linguistics; anthropotoponymy; geographical names.

For citation: Lastochkina, S. Forms of Slavic Surnames, Their Geographical Roots and Distribution. Sophia. 2025;1:32–39. Russian.

Автор:

Светлана Ильинична Ласточкина – доцент кафедры геодезии и космоаэрокартографии факультета географии и геоинформатики БГУ.

https://orcid.org/0009-0006-0071-2501

7.iris@mail.ru

Author:

Svetlana Lastochkina – Associate Professor, Department of Geodesy and Space Aeromapping of Faculty of Geography and Geoinformatics of BSU.

Множество географических объектов названо личными именами людей. В этом прослеживается связь двух разделов ономастики (науки о собственных именах) – топонимики и антропонимики, которые в тесном переплетении породили специальный раздел – антропотопонимику, изучающую процессы топонимизации антропонимов. К настоящему времени возможности антропонимии для осмысления географических названий пока изучены недостаточно. Именно поэтому в задачи исследований вошли вопросы о выявлении причин топонимизации антропонимов в разные исторические эпохи на территории славянского мира.

Изучение происхождения фамилий весьма ценно для науки, поскольку полученные результаты позволяют реконструировать, понять и соотнести исторические события целых столетий, историю языка народа, его литературы и искусства. И в этом осмыслении ошибочно полагать, что только фамилии выдающихся людей слагают историю страны. Зачастую фамилии простых, обыкновенных людей делают возможным понять жизнь отдельного человека как ячейки общества. Такое обстоятельство позволяет судить о развитии целого народа, осмыслить географические корни отдельных людей и дать оценку их уклада в социально-экономическое развитие своей этнической территории, страны. В этом смысле очень важна информация, выражаемая фамилиями, возникшими из топонимов (географических названий).

Общеизвестно, что фамилия является наследственным, отличительным и своеобразным «именем института семьи». В то же время в исследованиях В. А. Никонова [7] отмечено, что и лингвистически, и юридически славянские фамилии оформлены сравнительно поздно: они сложились в XV–XIX веках, т. е. по историческим меркам фамилии появились сравнительно недавно. Считается, что весьма продолжительное время фамилии были достоянием привилегированного слоя, а крестьянство, составлявшее основную массу населения (например, у русских до XVIII века), оставалось в большинстве случаев без фамилий. Так, С. Илчев [2] утверждал, что у болгар фамилии формировались преимущественно в XIX веке. В исследованиях Б. Маркова [3] приведены факты, подтверждающие, что моложе всех фамилии македонцев, поскольку процесс их формирования продолжался в первой половине XX века и полностью завершен только после Второй мировой войны.

Формирование фамилий у славян в целом протекало в те столетия, когда славянские народы жили уже обособленно и их языки значительно разошлись. Поэтому фамилии одного народа отличаются от фамилий других народов, и именно поэтому фамилия является своего рода «живой историей народа». Наряду с этим в результате проведенных топонимических исследований Г. Я. Симиной выявлена закономерность: если нанести на карту места распространения фамилий, образованных от названия одного города, и соединить их линиями с этим городом, то получится «роза лучей», указывающих зону связей [12].

Изучение происхождения и географического распространения фамилий является задачей топонимики как географо-историко-лингвистической науки. Однако исследования в этом направлении немыслимы без статистики, выясняющей соотношения разных тенденций. В более глубоком понимании изучает фамилии особая наука – антропотопонимика. Так, географический аспект изучения фамилий представлен в исследованиях Н. В. Бирилло [1], В. А. Никонова [6] и многих других антропонимистов [4; 9; 12]. Вместе с антропонимами все имена собственные (топонимы, т. е. географические

названия, этнонимы – названия народов, космонимы – названия космических объектов, зоонимы – клички животных и др.) с изучающими их отраслями наук составляют ономастику (раздел языкознания, изучающий собственные имена, историю их возникновения и трансформации в результате длительного употребления в языке-источнике или в результате заимствования из других языков).

Исторически сложилось, что быт людей и их повседневные обязанности запечатлелись не только в географических объектах, но и в фамилиях, лексические основы которых означали социальное положение в обществе и трудовые отношения (например, Батраков, Баскаков, Половников), предметы одежды (Лаптев, Ноговицин), еду и напитки (Шаньгин, Сбитнев), обычаи и обряды (Ряженых, Панихидин). Так, учеными-антропонимистами Б. А. Рыбаковым [10] и О. Н. Трубачевым [13] зафиксирован факт бесследно исчезнувших профессий с наступлением эпохи новейших технологий. Однако в проведенных исследованиях ими отмечено, что о многих профессиях осталось созвучное напоминание и оно «живет» в таких фамилиях, как Балакировщиков, Бердников, Бортников, Бронников, Воскобойников, Денщиков, Знахарев, Ирошников, Кожемякин, Коновалов, Копейщиков, Кречетников, Лучников, Мечников, Окладников, Олейников, Пономарев, Решетников, Ростовщиков, Рушников, Свечников, Скоморохов, Сокольников, Солодовников, Стрельцов, Сырейщиков, Сыромятников, Толмачев, Трапезников, Хамовников, Целовальников, Шаповалов, Шерстобитов, Шорников, Щепетильников.

В конце XX века антропонимистами была проведена параллель фамилий с названиями географических территорий. Например, в своих исследованиях ученые [3; 4, с. 65; 5; 9] проследили парадоксальную связь: одна и та же фамилия *Попов* – самая частая и на крайнем севере славянского мира (у русских в Архангельской области), и на крайнем юге того же славянского мира (у македонцев, живущих на границе с Грецией), и у болгар [2] (на юге и востоке Болгарии). В то же время эта фамилия считается весьма редкой или почти не встречается на большей части других территорий славянского мира [7].

Для развития антропотопонимики как науки с географо-историко-лингвистическим уклоном важно сопоставление форм фамилий, глубже отражающих историю языка и народа. Именно поэтому в конце XX века появились работы по антропонимии славян, сопоставляющие формы фамилий. Так, по мнению выдающихся советских и российских ученых-антропонимистов, самая частая у чехов фамилия *Новак* [4, с. 89; 8, с. 72; 9; 12], но парадокс в том, что по своему распространению в славянском мире она занимает четвертое место у хорватов, шестое место – у поляков (г. Варшава), довольно часто встречается у словаков и словенцев, у русских (г. Москва), а также, претерпев историческую лексикологию и словообразование, у русских она трансформировалась в фамилии *Новаковский*, *Новаков*, *Новакович* [4, с. 90; 12, с. 32], у белорусов она преобразована и часто встречается как Новиков [8, с. 74]. Кроме того, в исследованиях Э. М. Мурзаева, А. И. Попова, Е. М. Поспелова, Г. Я. Симиной [4; 8; 9; 12] упомянуто, что для славянских языков характерна суффиксальность лексической категории имен, а фамилии, по утверждению лингвистов, принадлежат именно к этой категории. Например, в фамилиях русских абсолютно преобладает формант *-ов* (с фонетическим вариантом *-ев*), более 90 % сербов носят фамилии, образованные формантом *-ичь* (*-ih* в фонетической транскрипции), у поляков преобладает формант *-ски* (*-ski*, *-cki*). Именно поэтому суффикс, закрепляясь

и став нормой фамилии, теряет свое этимологическое значение, также теряет значение и основа, например: чех Коварж, поляк Коваль, хорват Ковач – это не кузнецы, как означала основа их фамилий, а люди разных профессий. Именно так описывают ученые-антропонимисты возникновение множества славянских фамилий: польские, хорватские, сербские – на *-ович* (*-евич*), русские и болгарские – на *-ичев*, чешские, хорватские и словенские – на *-очек*.

Интересно мнение П. Смочиньского о прямой исторической связи форм фамилии с географией населения: «Фамилий на *-ski* в Малопольше мало, так как там почва малоплодородная, и поэтому деревни были реже, чем в Великопольше. В Мазовии, где количество поместий превосходило Малопольшу и Великопольшу, фамилии на *-ski* популярнее, чем в Малопольше, но вследствие большого количества деревень, принадлежащих мелкому дворянству, там фамилии на *-ski* реже, чем в Великопольше» [14, с. 22]. Например, по подсчетам Н. В. Бирилло [1] у русских в среднем частотность фамилий на *-ский* едва ли превышает 4 %, но и это больше 5 млн. человек; у белорусов частотность фамилий этой модели колеблется от 10 % на юге и востоке республики до 30 % на северо-западе; у украинцев на востоке – 4–6 %, на западе – 12–16 %. Кроме того, исследованиями этого антропонимиста установлено, что у словаков фамилии на *-ск* составляют приблизительно 10 %; у чехов – 3 %; у словенцев, хорватов, сербов – незначительное количество таких фамилий, но весьма весомое их количество отмечено у болгар – около 18 %, а у македонцев этим формантом (формой) фамилии охвачена половина населения, и граница зон преобладания фамилий на *-ов* и *-ски* проходит с севера Северной Македонии на юг, к западу, где преобладают фамилии на *-ски*, к востоку – на *-ов*. В целом, по мнению Н. В. Бирилло, носителей фамилий с формантом *-ск* (*-цк*) у славян значительно больше – около 30 млн.

Географический аспект изучения фамилий заключается вовсе не в том, что основа фамилии называет географический пункт. Встречаются и исключения. Например, как отметил в своих исследованиях Д. Т. Надькин [5], ценно и то, что в документе 1902 года зафиксированы в заволжском селе под названием Шиланский Ключ мордовские фамилии: Киржеманский и Пилесевский. Так, по мнению этого антропонимиста, по одним этим фамилиям, ничего не зная об их носителях, понятно, что это переселенцы из селений Киржеманы и Пилесево (ранее – Атяншевский р-н Мордовской АССР). Вместе с тем в своем большинстве фамилии являются результатом и фонетических изменений, и отпадения звуков, и переосмыслений, и звукоподражаний, а формально тождественные окончания образуют на географической карте явную статистическую общность. По мнению ученых-антропонимистов, такая закономерность, вероятно, обусловлена тремя факторами: во-первых, многие из формантов преобразования фамилий все же имели общее происхождение; во-вторых, на изменение фамилий подействовали фонетические особенности языка или диалекта (например, территориальное размежевание *е/а*); в-третьих, происходил принцип «втягивания в ряд», основанный по закону равнения на преобладающую форму [1, с. 23; 4, с. 52; 8, с. 75; 12, с. 32].

Во многих трудах ученых антропонимистическая проблематика XIX–XX веков насыщена утверждениями о том, что огромная группа славянских фамилий с формантами *-к*, *-ак*, *-ек*, *-ук*, *-ик*, *-ка*, *-ко*, *-енко* осложнена формантами типа *-ник*, *-чук*, к которым прибавлены *-ка*, *-кол* с развернутой формой *-енко*. Например, Н. В. Бирилло [1, с. 10] приводит данные о фамилиях с формантами *-к* (*-ек*), распространенных на западе

славянского мира: 16 % словенцев носят фамилии с финальным *-к* (преобладая над общеюгославянскими с формантом *-ич*); к чешским показателям близки словацкие – 20 % с формантом *-к* и 5 % с *-ка*, *-ко*; часты фамилии с этими формантами и в Польше, особенно на юге страны; фамилии на *-ак* характерны для украинцев Закарпатья, однако северо-восточнее уже встречается формант *-ук* (*-чук*, *-юк*): Максимук, Ковалюк, Ковальчук; у белорусов фамилии группы *-ук* охватывают 50 % территории Полесья, но в то же время на большей части территории республики таких формантов насчитывается около 10 %, а повсеместно они единичны или вовсе отсутствуют.

Проведенными исследованиями Н. В. Бирилло [1] утверждается, что у белорусов преимущественно распространены фамилии с чистыми формантами *-ко*, *-ка*, хотя они свойственны прежде всего украинцам и западнославянским народам. В исследованиях других антропонимистов [4; 8; 12] подчеркнуто распространение практически единым массивом фамилий с формантом *-к*, простирающихся огромной дугой через половину Европы – от Адриатики до Азовского моря. При этом форма фамилии, образованная общеславянским формантом *-ин*, часто встречается только у русских. В других славянских языках фамилии с *-ин* конечно же имеются, но количество их весьма невелико, например, у хорватов насчитывается всего 1 % от числа населения.

В исследованиях советских и российских ученых-антропонимистов приводятся фамилии рассмотренных пяти самых частых форм (*-ов*, *-ич*, *-ский*, *-ин*, *-к*), охватывающих более 80 % всего славянского населения [4; 8; 12]. Например, от Карпат до Альп регулярно встречается форма фамилий на *-ец* (Подунаец, Водопивец, Кривец), которые можно назвать по исторической территории Паннонии. Формант этих фамилий (*-ац*) распространен у хорватов; у словенцев – *-н*, *-р*, *-л*, *-й* с часто выпадающим *-е* (Доленц, Зайц), а также у чехов, словаков, у населения Закарпатья, встречается у сербов, у македонцев (Беличанец, Курец). Ареал фамилий на *-ец* образует на карте почти замкнутое кольцо, охватывающее территорию венгров, пришедших на Дунай в IX веке. По утверждению антропонимистов, распространенная форма фамилий на *-ец* могла обойти Венгрию, хотя не вполне исключено и то, что формант *-ец* в фамилиях Закарпатья обязан южнославянскому влиянию. В этом смысле ученые выдвигают предположение, что наиболее вероятно, что не только до возникновения фамилий, а еще и до прихода венгров, разорвавших сплошное население былой Паннонии, сложились в славянских языках те одинаковые словообразующие компоненты, которые спустя столетия образовали модель фамилий с окончанием на *-ец*.

По мнению белорусских антропонимистов Н. В. Бирилло [1, с. 14] и Г. Я. Рылюка [11, с. 132], иной тип фамилий – есть нарицательное имя, ставшее фамилией без каких-либо изменений (например, Сметана), и другое имя, хотя бы и с видимыми суффиксами, но образовавшими не фамилию, а только ее основу (например, Мельник). Фамилии этого типа, отмечают ученые, господствующие в неславянских языках Европы, у славянских народов наиболее часто встречаются у чехов и словенцев, меньше – у поляков, украинцев, белорусов.

В славянском мире выглядевшие беспорядочными фамилии из двух основ разделимы не по языкам. Напротив, они объединены в межъязыковые группы по грамматическим отношениям между составляющими элементами. При этом ареалы фамилий или их форма не совпадают с границами языков. Яркий тому пример – единый массив фамилий на *-енко*, идущий поперек языковых рубежей, объединяющий восточную часть Украины с восточной полосой Беларуси. Наперекор границам государств

и национальных языков распространены и формы фамилий на *-ец*, *-ак*, *-ук* и др. В то же время одни из общеславянских черт фамилий генетичны и представляют собой следы былого языкового единства славян, другие – обязаны прямому взаимообмену фамилиями (либо формами) между славянскими народами, например, русско-украинскому, русско-белорусскому, польско-украинскому, польско-белорусскому, чешско-польскому и т. д. [4; 7; 11].

Многовековое общение славян с неславянскими народами втянуло в состав славян множество неславян по происхождению, которые принесли с собой свои иноязычные фамилии. Например, у чехов немало немецких фамилий, у поляков – немецких и литовских, у болгар – турецких, у русских – тюркских, финно-угорских, иберо-кавказских и др. [5; 8; 10; 12].

Кроме географии форм, образующих фамилии, важна география форм, которыми образованы их основы; по мнению лингвистов, их нельзя смешивать с образованием фамилий, но они таят столько ценного для истории народа и языка, что упустить такой источник просто непростительно. Здесь можно лишь в качестве примеров привести немногие, приоткрывающие грани проблемы. Понятно, что частотность форм, образующих фамилии, гораздо меньше, чем частотность форм самих фамилий, но все же значительна, а территориальная избирательность – ярка. Например, *-инов* (*ов*). Именования Костромитин(ов), Пермитин(ов) обозначали дворянина, зачисленного на военную службу по такому же уезду, в котором он и получал землю, становясь помещиком. Для следующих поколений эти именования становились фамилиями. Существует целый перечень городов, от названий которых образованы фамилии: Белев, Болохов, Боровск, Венев, Верея, Вязьма, Коломна, Кострома, Луховицы, Можайск, Мосальск, Москва, Пермь, Псков, Ржев, Серпухов, Тверь. Положенные на географическую карту, они очерчивают границы некогда существовавшего в историческом прошлом – на исходе XV века – Московского государства, что датирует расцвет форманта *-итин*.

Если вплотную касаться темы о географических корнях и дальнейшем распространении фамилий, можно привести весьма интересный пример исторического своеобразия русского Севера, поскольку именно там лучше, чем где-либо, сохранились местные фамилии. Например, на севере России много фамилий, образованных от местных географических названий: Ваенгский, Вайванцев, Ваймутин, Варакин, Варзузин, Вологдин, Гаревский, Долгоцелов, Едемский, Закемовский, Ижмяков, Кокшарев, Матигоров, Мехреньгин, Мехряков, Немнюгин, Нюхчин, Онегин, Пермиловский, Поженский, Шежмин, Шелатский. К тому же западная часть северной территории России (Онежский полуостров – крупный полуостров на северо-западе России) входит в ареал гидронимов со вторым компонентом форманта *-озеро* (Кенозеро, Ундозеро), что отразилось и в фамилиях: Кенозеров, Кодлозеров, Ундозеров. Немало фамилий и от основ нарицательных, означающих специфические местные природные условия, условия хозяйствования и быта населения: Вешняков, Ластов, Лохов, Морицин, Пластинин, Соргин, Шелепин.

Многие ученые-антропонимисты [4, с. 298; 7; 8, с. 33; 9; 12; 13, с. 22] отметили, что самые частые в славянском мире фамилии – *Иванов*, *Попов* – в сельских местностях (даже и в последнее десятилетие) являются единичными фактами, несмотря на огромную подвижность населения. В то же время эти антропонимисты приводят несколько фамилий с указанием точного места их возникновения, т. е. их географические корни: Гомкин

(Ливенский р-н, с. Теличья), Змелюгин (Хотынецкий р-н, д. Михайловка), Катасонов (Хотынецкий р-н, с. Урынск), Клиндухов (Дмитровский р-н, с. Трофимово), Марандыкин (Мценский р-н, с. Стрельниково), Подплутов (Должанский р-н, с. Козьмодемьянское), Рымшин (Колпнянский р-н, с. Натрубеж), Суряднов (Залегощенский р-н, с. Моховое), Твердохлебов (Мценский р-н, с. Алябъево), Шелегов (Мценский р-н, с. Копны). Однако до настоящего времени не имеется достоверных сведений о словах, ставших основой этих фамилий, и об их значениях. Исследователи русского заселения сетовали на скудность источников, даже на смерть старожилов исследуемой географической местности, однако, как правило, они забыли (или же не приняли к сведению) о таком важном историческом источнике, как ономастика. Между тем именно эта наука помогает осветить нераскрытые грани, которые оставлены иными источниками без объяснений. Только широкая инвентаризация славянских фамилий, учитывающая такие особенности, дает будущим исследователям вполне надежную основу для научного сопоставления.

Полученные данные по антропотопонимике весьма интересны даже для обывателя, однако для получения научной информации о географических корнях и дальнейшем распространении фамилий необходимо сопоставить эти данные с диалектологическими, этнографическими, историческими картами.

Таким образом, учет антропонимии и этнонимии в топонимических исследованиях настолько важен, что правомерно говорить о методе антропонимии и этнонимии. Этот метод требует, чтобы топонимисты-исследователи имели достаточное представление об антропонимии и этнонимии тех языков, на которых общались жившие на очерченной территории народы. Важно, чтобы изучалась антропонимия и этнонимия народов в синхронии и диахронии, умело различались антропонимические и этнонимические заимствования и имелись представления о функционировании антропонимии и этнонимии в разных общественно-экономических формациях. Также следует помнить и о том, что государственное закрепление фамилий притормозило, но не прекратило изменение фамилий. К тому же высокая мобильность и миграция населения заметно выравнивают состав фамилий (даже без их изменений), сглаживают и региональные различия. Хотя процесс интеграции и длителен, однако в последнее время ввиду различных социально-политических изменений темпы его возрастают.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бирилло, Н. В.* Белорусская антропонимия / Н. В. Бирилло. – Минск, 1969. – 36 с.

2. *Илчев, С.* Българските фамилни имена / С. Илчев // Известия на Института за български език. – София, 1968. – С. 531–539.

3. *Марков, Б.* Типы македонских фамилий / Б. Марков // Onoma. Leuven, 1978. – XXII. – С. 123–132.

4. *Мурзаев, Э. М.* Топонимика и география / Э. М. Мурзаев. – М. : Наука, 1995. – 304 с.

5. *Надькин, Д. Т.* Морфологическое строение мордовских дохристианских личных имен / Д. Т. Надькин // Ономастика Поволжья. – Горький, 1971. – С. 76–78.

6. *Никонов, В. А.* Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 74 с.

7. *Никонов, В. А.* Формы русских фамилий / В. А. Никонов // Studia językoznawcze. – Wrocław, 1966. – С. 27–36.

8. *Попов, А. И.* Географические названия (Введение в топонимику) / А. И. Попов. – М. : Наука, 1965. – 182 с.

9. *Поспелов, Е. М.* Топонимика и география / Е. М. Поспелов // Вопросы географии. Топонимика на службе географии : сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов. – М. : Мысль, 1979. – № 110. – С. 9–10.

10. *Рыбаков, Б. А.* Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1995. – 501 с.

11. *Рылюк, Г. Я.* Истоки географических названий Беларуси (с основами общей топонимики) : пособие для преподавателей и студентов географических специальностей / Г. Я. Рылюк. – Минск : Веды, 1999. – 235 с.

12. *Симина, Г. Я.* Фамилия и прозвище / Г. Я. Симина // Ономастика : сб. ст. – М. : Наука, 1969. – С. 27–34.

13. *Трубачев, О. Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России / О. Н. Трубачев // Этимология: Проблемы лингвогеографии. – М., 1998. – С. 3–53.

14. *Smoczynski, P.* Untersuchungen zu polnischen Familiennamen // Magyar nyelvjárások. Deberecen, 1968. – S. 22.